

Цю Ибо: Онемел.

Кто поймёт чувства человека, которого ранним утром безжалостно вытащили из постели, отправили во дворец, заставили писать экзаменационные работы до обеда, затем отвели в боковой зал для отдыха, но не дали даже двух часов покоя, причём из-за негласных дворцовых правил он почти не мог выпить ни глотка чая, а потом вызвали к императору для участия в дебатах, в конце концов выпроводили из дворца для участия в шествии... то есть не шествии, а параде Чжуаньюаня, во время которого нужно было заходить в храмы, возжигать благовония, совершать поклоны и прочие церемонии?

Чжуаньюань - первый на государственных экзаменах, аналог нашего «первого места».

Хотя Цю Ибо подготовился и перед входом во дворец принял пилюлю, избавляющую от голода, но с его нынешними физическими данными такая пилюля была практически бесполезна. Он действительно не чувствовал голода, но его разум и тело настойчиво твердили ему: «Ты голоден».

Цю Ланьхэ взял на себя обязанности инспектора Интяньфу и лично помогал ему облачиться в официальные одежды и надеть головной убор. Цю Ибо спокойно раскинул руки, с удовольствием позволяя первому министру империи прислуживать себе, в то время как сам жевал яблоко, повернув голову в сторону. Мян Хэ держал в одной руке чашку с охлаждённым соком, в другой - яблоко, а рядом Мян Ли стоял с двумя тарелками сладостей, готовый в любой момент по команде поднести их к губам Цю Ибо.

Интяньфу - управление столичного округа.

Мян Хэ и Мян Ли - слуги Цю Ибо.

Цю Ибо за несколько укусов справился с яблоком, оставив лишь огрызок, выпил половину чашки прохладного кисло-сладкого сока и съел два куса плотного, мягкого, сладкого и вязкого пирога «восемь сокровищ». Всё это он делал под завистливыми взглядами поседевших Баньяня и Танхуа, стоявших рядом.

Баньян - второе место на экзаменах.

Танхуа - третье место на экзаменах.

Цю Ланьхэ, раз уж распорядился приготовить еду, естественно, тоже предложил Баньяню и Танхуа перекусить. Однако те не осмелились - строго говоря, за всю историю Чжуминго лишь Цю Ибо мог позволить себе есть и пить в такой момент.

Чжуминго - вымышленное государство.

Цю Ибо уже собирался взять третий кусок пирога, когда Цю Ланьхэ наконец закончил с его облачением. Цю Ланьхэ повесил ему на пояс два ароматных мешочка и напомнил:

- В правом - монеты Вэньцуй. Позже тебе напомнят, когда их нужно будет разбрасывать.

Вэньцуй - божество литературы и экзаменов.

- Дядя Ланьхэ, до благоприятного часа ещё есть время, дай мне ещё пару кусков, - пробормотал Цю Ибо с набитым ртом.

Цю Ланьхэ невозмутимо ответил:

- До наступления благоприятного часа осталось время, за которое можно выпить чашку чая.
- За чашку чая я успею съесть три куска!

Брови Цю Ланьхэ дёрнулись, он уже хотел остановить его, но тут Цю Ибо просто закатал рукава, взял тарелку из рук Мянью Ли и принялся есть пирог, держа тарелку в одной руке. Белоснежные крошки разлетались по его красному одеянию Чжуаньюаня, оставляя заметные следы.

Цю Ланьхэ почувствовал, как у него начинает дёргаться веко, но в такой праздничный день ругать его было нельзя, поэтому он лишь смахнул крошки с его одежды. Не успел Цю Ибо доесть пятый кусок, как инспектор Интяньфу поспешил напомнить:

- Господин Цю, молодому Чжуаньюаню пора садиться на коня.

Цю Ланьхэ кивнул, а Цю Ибо сунул пятый кусок в рот, одним движением вскочил на коня и быстро прожевал пирог. Цю Ланьхэ, глядя на его невозмутимое лицо, словно слышал его мысли: «Я молод, я совершенствуюсь, я не подавлюсь, ха!»

Голова болит.

Когда церемониймейстер громко объявил о наступлении благоприятного часа, главные ворота дворца медленно распахнулись. Чжуаньюань мог выехать через центральные ворота, а Баньян и Танхуа – только через боковые. Цю Ибо тихо щёлкнул языком, прищпорил коня и крикнул:

- Дядя Ланьхэ, не забудь, что ты мне обещал!

С этими словами он выехал через главные ворота, а остальные последовали за ним.

Обычно, если человек одет в красное и украшен золотыми цветами, это может затмить его природное обаяние. Но с Цю Ибо вышло наоборот – этот наряд лишь подчеркнул его изысканную красоту, делая его похожим на пылающее солнце. Инспектор Интяньфу, поглаживая бороду, заметил:

- После сегодняшнего выезда господина Цю в Яньцзине прибавится немало влюблённых барышень.

Яньцзин – столица Чжуминго.

- Вы шутите, – улыбнулся Цю Ланьхэ.

Инспектор больше не стал развивать тему. Цю Ланьхэ смотрел, как ярко-красная фигура удаляется, и пытался вспомнить, что же он обещал этому пройдохе... Ах да, банкет.

Причём на три дня и три ночи.

Он с улыбкой потер виски. Когда фигуры Цю Ибо и его спутников скрылись из виду, а ворота снова закрылись, он перевёл взгляд:

- Господа, нам тоже пора за дела.

Сопровождавшие его чиновники почтительно согласились и последовали за ним вглубь дворца.

Голод, помощь пострадавшим, управление беженцами... Всё это лежало на их плечах и ждало решения.

Строго говоря, это было первое настоящее шествие Цю Ибо. Хорошо, что стояла осень и летний зной уже прошёл, иначе он бы точно заподозрил, что может упасть в обморок от жары. Улицы были заполнены народом – казалось, весь Яньцзин пришёл посмотреть на первого в истории страны обладателя шести высших степеней.

Обладатель шести высших степеней – тот, кто сдал все экзамены с первого места.

Среди толпы было много детей в одеждах учёных, которых родители привели в надежде, что те перенянут частичку таланта Вэньцюя.

Цю Ибо спокойно кланялся в обе стороны, но вскоре неожиданно в него полетел ароматный мешочек, а за ним – бесчисленные цветы, фрукты, шёлковые платки и вышитые кошельки. Первый мешочек он увернулся, но последующие уже не мог избежать – он же не мог спрыгнуть с коня или достать меч, чтобы отбиваться. Его буквально засыпало платками и мешочками. Те, кто бросал фрукты, хотя бы старались не целиться в него, но Цю Ибо, опасаясь, что фрукты испугают коня, вынужден был подставлять ноги, отчего бёдра и голени начали ныть. И всё это время он должен был сохранять улыбку.

Баньян, ехавший рядом, прикрыл его собой и тихо сказал:

- Господин Цю, у вас на шляпе...

Цю Ибо провёл рукой по головному убору и снял платок с вышитыми утками-мандаринками. С ближайшего высокого здания донёсся вздох восхищения. Он поднял глаза и увидел нескольких нарядных девушек, которые, заметив его взгляд, прикрылись веерами и рассмеялись. Цю Ибо лишь покачал головой и передал все подарки Мянью Хэ – позже их все уничтожат.

Кто-то в толпе крикнул:

- Господин Чжуаньюань! У меня есть дочь, шестнадцати лет, прекрасной внешности, с богатым приданым, готова выйти за вас!

- А у меня сестра, восемнадцати лет, невероятной красоты, тоже готова стать вашей женой!

Окружающие осадили их:

- Господин Цю и сам невероятно красив! Насколько же прекрасны ваши дочери и сёстры?!

- Ну это...

Цю Ибо делал вид, что не слышит, и вскоре они добрались до храма Чэнхуан. Цю Ибо, Баньян и Танхуа спешили. Мянью Хэ напомнил:

Чэнхуан – божество-покровитель города.

- Господин, после выхода из храма разбросайте монеты из мешочка.

Цю Ибо кивнул и тихо спросил:

- Ничего страшного не случится?

Два мешочка на его поясе были не слишком тяжёлыми, и специальные монеты Вэньцзюй внутри тоже были в небольшом количестве. Но вокруг собралось человек двести – не приведёт ли разбрасывание монет к давке?

Мянь Хэ ответил:

– Не волнуйтесь, господин. Все просто хотят получить частичку удачи, никто не станет слишком усердствовать. К тому же здесь есть стража, ничего не случится.

– Хорошо.

Вход в храм Чэнхуан дал всем передышку. После возжигания благовоний у троицы было время отдохнуть полчаса перед выходом. Баньян и Танхуа отлучились по нужде, а Цю Ибо поспешил присесть. Мянь Хэ подошёл с куском хлопковой ткани, чтобы вытереть пятно на его плече – след от удара фруктом. Цю Ибо даже подумал, что этот фрукт был брошен с намерением убить его – яблоко разбилось от удара, что говорит о силе броска.

Баньян и Танхуа скоро вернулись и, увидев его сидящим, пошутили:

– В древности Вэй Цзе умер от того, что на него слишком пристально смотрели, а сегодня господина Цю чуть не закидали до смерти.

Вэй Цзе – известный красавец древности, который, по преданию, умер от переутомления, вызванного вниманием поклонниц.

Цю Ибо горько усмехнулся:

– Такой «любви» действительно трудно выдержать. Если вы, старшие братья, действительно жалеете меня, помогите прикрыться.

Танхуа поддразнил:

– Конечно, но сначала дай мне две монеты Вэньцзюй, чтобы мои двое детей тоже переняли частичку литературного таланта.

Баньян добавил:

– Мне хватит и одной.

– Что тут сложного? – Цю Ибо снял с пояса мешочек и вытряхнул содержимое на ладонь, собираясь выбрать самые красивые монеты.

Но из мешочка высыпались не монеты, а засохшие до каменной твёрдости куски вяленой говядины. Цю Ибо остолбенел – он и подумать не мог, что Цю Ланьхэ повесит ему мешочек с мясом!

Хорошо, что он проверил сейчас, а не начал разбрасывать «монеты» и не осыпал народ говядиной... Иначе, когда он вернётся в мир духовного совершенствования, в Яньцзине ещё долго ходили бы легенды о нём. Возможно, даже через сотни или тысячи лет люди находили бы упоминания об этом случае в древних текстах. Может, ему стоит сразу сменить имя?

Баньян и Танхуа тоже представили эту картину и не смогли сдержать смех:

– Мясо тоже неплохо. Монеты Вэньцзюй можно получить позже, а сейчас куда важнее утолить

голод.

Они взяли по куску говядины и положили в рот. Мясо оказалось невероятно ароматным, с идеальной солоноватостью, от которой сразу потекла слюна. На их лицах появились довольные улыбки.

Вскоре пришёл служащий и сообщил, что пора продолжать шествие.

Трое вышли из храма как раз в тот момент, когда церемониймейстер провозгласил слово «награда». Мянью Хэ тихо сказал:

- Господин.

Цю Ибо взял горсть монет Вэньцуй и разбросал их в толпу. Баньян и Танхуа последовали его примеру. Толпа взорвалась ликующими криками – люди тянули руки, стараясь поймать монеты. Те, кому повезло, радовались, а те, кто не поймал, не злились, а лишь поздравляли друг друга. Везде царил праздничная атмосфера.

Но вдруг раздался пронзительный женский крик. Все обернулись на звук, и кто-то закричал:

- Бедствие! У кого-то оспа!

Шумная площадь перед храмом Чэнхуана на мгновение затихла, а затем взорвалась паникой.

- Что? Оспа? Бежим!

- Спасайтесь!

В одно мгновение улица погрузилась в хаос. Люди бросились врассыпную, толкая друг друга. Кто-то упал, закричал – и исчез под ногами. Стража Интяньфу вокруг Цю Ибо и его спутников занервничала. Мянью Хэ сказал:

- Господин, оспа – это серьёзно. Прошу вас, укройтеесь.

«Высыпания» – народное название оспы, опасной заразной болезни, передающейся воздушно-капельным путём и при прямом контакте. В Чжуминго, где не было эффективных методов лечения, эта болезнь была смертельным приговором – выживание зависело только от удачи. Обычно, как только где-то вспыхивала оспа, город или деревню оцепляли, а иногда и сжигали дотла, чтобы остановить распространение.

И вот оспа добралась до Яньцзина!

Баньян и Танхуа поспешили согласиться и уже собирались вернуться в храм, но Цю Ибо нахмурился и крикнул:

- Чего стоите? Наводите порядок!

Стража опешила, но он продолжил:

- Получая жалование, служи верно! За мной!

Мянью Хэ первым откликнулся:

- Слушаюсь, господин.

Цю Ибо быстро отдал распоряжения:

- Ты - бей в колокол. Мянъ Хэ, веди меня на ворота храма. Остальные - выходите и наводите порядок, чтобы люди уходили спокойно, без давки!

Танхуа тихо сказал:

- Младший брат Цю, это слишком рискованно...

- Ничего, - ответил Цю Ибо. - У меня есть план. Если вы, старшие братья, не болели оспой, лучше останьтесь. Я справлюсь и один.

Баньян помолчал и сказал:

- Дело не в этом. Я тоже пойду!

- Господин Цю прав: получая жалование, служи верно, - поддержал Танхуа. - Я болел оспой, пошли!

Примечание автора:

Оспа - опасное инфекционное заболевание, которое в нашем мире было полностью искоренено лишь в современную эпоху. Сейчас, кажется, вирус сохранился только в особо защищённых лабораториях.

Бедный я... Как же у меня накопилось столько долгов? Ох уж этот мой график... Сначала поужинаю, потом продолжу. Не ждите, скорее всего, обновлю только к утру.

<http://bllate.org/book/14686/1310452>